

Константинова Татьяна Николаевна

младший научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ СЕМЬИ НА СЕВЕРЕ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация:

В статье рассмотрено историческое изменение форм северной семьи и современная характеристика кочевой семьи в Оленекском районе. В настоящем пилотном исследовании уделено внимание вопросам адаптации кочевой семьи к современным рыночным условиям, отношения людей к кочевью, семейным ценностям, традициям и обычаям.

Ключевые слова:

социальный институт, форма и тип семьи, адаптация к рынку, семейные ценности, кочевой образ жизни, традиционная вера и обычаи предков.

Konstantinova Tatiana Nikolayevna

Junior Research associate,
Institute for the Liberal Arts Researches
and the North Indigenous Nation Studies,
Russian Academy of Sciences

TRANSFORMATION OF FAMILY FORMS IN THE NORTH: REGIONAL ASPECT

Summary:

The article deals with the historical change of the forms of a Northern family and the modern description of the nomadic family in the Olenek region. In the pilot research the author considers the adaptation of the nomadic family to the contemporary market conditions, people's attitude to the nomadic life, values system, traditions and customs.

Keywords:

social institution, form and type of a family, adaptation to market conditions, family values, nomadic life, traditional beliefs and ancient customs.

Как известно, под влиянием трансформационных процессов происходит изменение жизненных ценностей у личности, в результате чего меняется его отношение к ним и понятие об образе жизни в целом и о семье в частности.

В каждом регионе социальные процессы в сфере частной жизни имеют свою «особенную историю». Изучение изменений форм семьи и брака актуально и для Севера России. За последние десятилетия освоению северных территорий, имеющих несметные природные ресурсы, уделяется особое внимание, так как динамичное экономическое развитие определяет геополитическое положение России в мире. В то же время демографическое воспроизводство населения, частная жизнь, брак и семья в большей степени остаются за рамками государственной политики. Такое пренебрежение социально-демографическими факторами может негативно повлиять на развитие других систем общества.

Северная семья как социальный институт общества под влиянием российского государства принимала различные формы и модели. В работах и документах многих этнографов и исследователей XVIII–XIX вв. остались сведения об образе жизни, о семейно-брачных отношениях у северных народов.

К примеру, в работах Я.И. Линденау была описана такая архаичная форма семьи, как многоженство (полигиния – один мужчина и несколько жен), семейный быт, обычаи и свадебные обряды начала XVIII в. [1]. Для большинства северных этносов того времени были характерны экзогамные браки, т. е. женитьба и брак с другой родовой группой. Кроме того, некоторые исследователи отмечали такие характерные явления, которые были присущи матриликальным бракам, – это обязанности по отношению к материнскому роду, женщина могла уйти от мужа, забрав калым и детей, дети, родившиеся вне брака, воспитывались в семье, они имели равные права на имущество. Если муж умирал, то его брат женился на жене брата или же содержал ее и помогал ей и т. д. Советский этнограф Б.О. Долгих отмечает: «Хотя все роды и фратрии у народов Северной Сибири были патрилинейными, у юкагиров, нганасан, энцев, манси и других обнаруживаются также пережитки материнского права» [2].

По расчетам Б.О. Долгих, в XVII–XVIII вв. у коренных народов Сибири существовали и большие, и малые семьи, в зависимости от зажиточности родов и племен [3]. Большие «семьи в основном состояли из нескольких поколений кровных родственников по восходящей и нисходящей линиям: из двух поколений (родителей и детей) в малых семьях и из трех и более поколений (стариков-родителей, их женатых сыновей и внуков, а иногда и правнуков) в большой неразделенной семье. В состав семьи помимо кровных родственников могли входить и родственники по боковой линии: дяди и тетки главы семьи или его жены, неженатые родные или двоюродные братья, племянники» [4].

Однако уже к концу XIX – началу XX вв., по поводу семьи и брака В. Иохельсон замечает, что «семейные отношения юкагиров утратили свой первобытный характер и в значительной степени находятся под влиянием русской цивилизации». В то же время он указывает на взаимовлияние традиций и обычаев брачности у тунгусов и юкагиров [5].

Значительную модернизацию в семейно-брачные отношения внесла христианизация населения. Со временем под ее влиянием многоженство как социальное явление себя изжило, а социальная группа женщины стала ниже мужской. Появились большие патриархальные семьи, где безоговорочно главным был отец семейства.

Таким образом, постепенно родоплеменной кочевой образ жизни сменился на оседлый патриархальный *феодализм*, родо-племенная община сменилась на соседско-территориальную, внедрилась новая форма внутрисемейных и родовых отношений. Но все же в труднодоступных и окраинных местах некоторые роды сохраняли свой кочевой образ жизни, родовые отношения, традиции и обычаи.

Коренную трансформацию в жизнедеятельность коренных северных аборигенов внесло советское правительство, приняв в 30-е гг. XX в. «национальную политику о некапиталистическом пути развития малых народов, минуя феодальный период, к социализму» [6]. За короткий период на всем Севере для культурного развития «отсталых северных народов» их перевели на оседлость. В основном это проявилось в создании коллективных сельскохозяйственных хозяйств, где почти поголовно все люди: и середняки, и бедные, и безоленные – стали членами и пастухами колхозов. Детей оленеводов для обучения в школах определяли в интернат, где им прививались совершенно новые представления о мире и образе жизни. С одной стороны, эта политика подняла северное общество малых этносов на более высокую ступень развития. Повысилась производительность труда, изменились общественные отношения, женщины уравнились в правах с мужчинами, и сократилась детская и женская смертность. С другой стороны, государство взяло на себя функцию воспитания и обучения детей, что в свою очередь отрицательно сказалось на семейной и традиционной преемственности и послужило причиной демографического упадка и без того малых по количеству народностей.

В результате «советского воспитания» многие воспитанники интернатов не только не смогли вернуться к своим родителям, но и не смогли создать свою семью и не нашли свое место в обществе. В северном сообществе проявились такие негативные социальные явления, как безбрачие и маргинализм, и как следствие социальные болезни – туберкулез и алкоголизм. Таким образом, в сообществе северных народов можно отметить отличительные признаки изменений: утверждение новой системы ценностей, отличающийся от традиционного образ жизни, превращение кочевого общества в «оседлое», т. е. аграрное. Эти перемены естественным образом затрагивали все стороны жизни северных народов, в том числе семью и человека на личностном уровне, и непосредственно отражались на частной жизни, брачно-семейных отношениях и брачном поведении, отношении людей к вопросам жизни и продолжения рода и т. д.

К началу перестроечных процессов в конце XX в. демографы и интеллигенция коренных этносов забили тревогу о депопуляции в северном сообществе из-за уменьшения численности населения в местах их компактного проживания. Каково же современное положение северной семьи в нынешних меняющихся условиях?

Для Якутии, занимающей одну пятую часть страны, плотность населения составляет всего 0,3 чел. / 1 кв. км. Геополитическое положение республики характеризуется богатым природно-ресурсным потенциалом, отличается слабой освоенностью территорий, отсутствием транспортной инфраструктуры и дискомфортными условиями проживания в экстремальных климатических условиях.

В конце XX и начала XXI вв. на территории Республики Саха (Якутия), как и по России в целом, обозначилась неоднозначная динамика в развитии таких демографических процессов, как миграция, рождаемость, смертность, разводимость и брачность, что впоследствии может повлиять на формирование семейной структуры населения. В регионе колебания численности населения непосредственно связаны с этапами промышленно-хозяйственного освоения его территории. Так, с 1959 по 1990 г. рост численности населения связан с притоком рабочей силы из-за пределов республики. А с 1998 по 2000 г. резкому оттоку населения способствовали распад Советского Союза и начало «перестройки», т. е. в эти годы в формировании населения Якутии основную роль сыграл миграционный фактор.

По сравнению с другими регионами РФ население Республики Саха немногочисленно, регион занимает 54-е место, численность населения на 1 января 2013 г. [7] составила 955,6 тыс. чел., в том числе в городах 620,5 тыс. чел. (64,9 %), в сельской местности – 335,1 тыс. чел. (35,1 %). Если сравнить с данными Всероссийской переписи населения 2002 г., то численность населения увеличилась на 1 % (т. е. на 9248 чел.). Естественный прирост в республике сохраня-

ется за счет превышения числа родившихся над числом умерших. Традиционно в Якутии рождаемость была и до сих пор остается высокой. Уровень рождаемости сохраняется, благодаря брачности как одному из механизмов регулирования рождаемости. Другим механизмом является репродуктивное поведение, т. е. внебрачное рождение. В отличие от российского внебрачное рождение на Севере было всегда автономным поведением, о чем свидетельствуют исследования этнографов еще XIX в.

По статистическим данным, в 2010 г. число супружеских пар стало больше на 6 тыс., чем в 2002 г., и составило 206 тыс. (2002 г. – 200 тыс.), в то же время переписью было учтено 330 тыс. частных домохозяйств (в 2002 г. – 305 тыс.). Средний размер домохозяйства (среднее число членов домохозяйств) составляет 2,9 человека, что больше, чем в России (2,6 чел.) и Дальневосточном регионе (2,5 чел.). Домохозяйства из 5 и более человек составляют 13,9 % от общего числа (по России – 8,8 %, ДВО – 6,8 %).

Таким образом, в Республике Саха, по данным переписи населения, состав семьи незначительно уменьшился. В 1989 г. преобладала семья из 4 чел., в 2002 г. – из трех, а в 2010 г. – 2,9 чел.

Изменения численности населения в городских и сельских поселениях различны. С 2002 по 2010 гг. отмечается увеличение населения в городах и уменьшение в сельских районах за счет миграции сельского населения в города.

По мнению ведущих демографов, изменения состава семьи и численности населения обусловлены экономическими преобразованиями в стране и адаптацией семьи к этим условиям [8].

Для определения адаптационных стратегий северных семей в Якутии нами проведены пробные исследования в Оленекском эвенкийском национальном улусе (районе). Данный район расположен на северо-западе Якутии за Полярным кругом. Его территория 318,1 тыс. кв. км, составляет 10,1 % от всей территории республики и является самым крупным субъектом республики. Плотность населения – 0,01 чел. /кв. км. Численность населения района почти не колебалась. Так, в 2000 г. она составила 4100 чел., в 2010 г. – 4127 чел., в 2013 г. – 4050 чел.

Основу экономики района составляют традиционные отрасли хозяйствования коренного населения Севера – оленеводство, рыболовство и охотничий промысел, животноводство.

Для опроса нами были выбраны семьи, занимающиеся традиционными видами жизнедеятельности, т. е. семьи, ведущие кочевой образ жизни. Адаптация таких семей тем интересна, что, работая в сельском хозяйстве, они получают зарплату ниже прожиточного минимума. В опросе участвовали 29 семей, что составляет 40 % от общего числа семей, работающих в данной сфере, и на вопросы отвечали женщины, так как мужчины кочевали по маршрутам и до них никак невозможно было доехать.

Опрошенные относятся к следующим возрастным группам:

- от 21 до 30 лет – 13,8 % (или 4 чел.);
- от 31 до 40 лет – 10,3 % (3 чел.);
- от 41 до 50 лет – 34,5 % (10 чел.);
- от 51 и старше – 41,3 % (12 чел.).

Национальность: эвенкийки – 86,2 %, якутки – 13,8 %.

Брачное поведение, или вступление в брак, происходит в большинстве случаев (55,2 %) в возрасте от 20–25 лет, до 19 лет вышли замуж лишь 10,3 % респонденток, от 25 до 35 лет вступили в брак 27,6 % северянок и от 35 лет и старше – 6,9 % опрошенных. Из них в первый брак вступили 93,1 % и 82,8 % живут в браке более 10 лет. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Оленекском национальном улусе учтено 1364 мужчины, из них в браке состояли 724 мужчины и никогда не состояли в браке 530 мужчин.

Тип семьи у большинства (55,2 %) коренного населения оказался нуклеарным (родители и дети). 31 % опрошенных проживают в большой семье (3 поколения и более). И одно поколение – родители – оказалось у 13,7 %. Данный нуклеарный тип семьи диктуется природными и экономическими условиями. В северных условиях «малолюдность» семьи мобильна и удобна при кочевье.

Семейные ценностные ориентации у северного народа оказались высокими. На вопрос «Насколько важна для Вас семья?» 69 % ответили «Очень важна» и 31 % «Скорее важна, чем друзья и работа». Однако распределение ответов на вопрос «Как, по вашему мнению, значимость семьи, состоящей из отца, матери и детей, в наши дни возрастает или, наоборот, снижается?» заставляет задумываться. Так, на этот вопрос получены следующие ответы: всего 31 % опрошенных ответил: «Да, в наше время преимущество такой семьи налицо»; 34,5 % респондентов отметили: «По-видимому, не всегда получается жить полной семьей»; 10,3 %: «Семья – помеха карьере и творчеству»; и 24,1 % ответить затруднились.

В своих мнениях сельчане практичны и выводы делают из реальной жизни. По статистике, в северных селах, соотношение мужчин и женщин очень быстро меняется с 36-летнего возраста. Смертность мужчин высокая по всему Северу. Причина смертности разная: это и алкоголизм, и

отсутствие медицинской помощи, и несчастные случаи при кочевье, особенно в весеннее половодье и при сходе снега с гор. Половина семей в возрасте от 36 лет – это семьи вдов или разведенных. По данным переписи 2010 г., в Оленекском улусе из учтенных 1515 женщин 723 состоят в браке, 493 никогда не состояли в браке и 218 – вдовы женщины, тогда как вдовых мужчин зарегистрировано 59 человек.

В современной северной семье демократичность внутрисемейных отношений показывают ответы на вопрос «Кто глава семьи?». Так, мужа главой семьи признали 44,8 % аборигенок, совместно мужа и жену – 41,4 % респонденток, 10,3 % главой признали себя (женщины), и одна северянка затруднилась дать ответ. Большинство, а это 55,2 % респондентов, считают, что семейные проблемы обсуждают вместе, 20,7 % считают, что проблемы решает жена, на самотек пускают 13,8 % , и затруднились ответить 10,3 % респондента.

Среди опрошенных преобладают многодетные семьи: 34,5 % – с 2–3 детьми до 18 лет, 10,3 % семей имеют детей от 4 и более, и 31 % с одним ребенком, у 24,1 % респондентов дети старше 18 лет.

Жилищные условия семьи нормальными указали 86,2 % респондента (частный собственный дом, без благоустройства), остальные 13,8 % живут с родственниками или арендуют жилье.

Влияние реформ на сельскую жизнь отрицательным признали 27,6 % аборигенок, нормальным и на возможность заработать самостоятельно указали 51,7 %, никак не повлияли на 13,8 %, и затруднились ответить – 6,9 % респондентов.

Материальный уровень своей семьи признали «вполне сносным, нормальным» 55,2 % аборигенок, плохим – «живем от зарплаты до зарплаты» – 41,4 % и хорошим – «живу в достатке» – 3,4 % респондента. При отсутствии денег услугами финансовых институтов пользуются только 20,7 % северян, большинство (65,5 %) берут в долг у родственников и 13,7 % продают продукцию собственного домашнего хозяйства (оленье мясо, пошив и т. д.). При этом к рыночным условиям «не совсем приспособились» – 44,8 %, «совершенно не приспособились» – 17,2 %, затруднились ответить – 6,9 %, и только 31 % северян приспособился.

Несмотря на материальные трудности, 17,2 % аборигенов уверены в завтрашнем дне, 69,0 % скорее уверены, чем нет, 10,3 % – скорее не уверены, чем да, и 3,4 % затруднились ответить. Поэтому, несмотря на материальные затруднения и неуверенность в завтрашнем дне, не удивляет оптимистичность большинства (62,1 %) северян и прагматичность (24,1 %). Пессимистами в трудных условиях оказались всего 3,4 %, и затруднились ответить 10,3 % респондента.

Для составления понимания адаптации кочевой северной семьи к современным условиям, необходимо определить отношение людей к своему образу жизни, деятельности, вере и традициям.

За последние десятилетия модернизационные процессы и технологические инновации, такие как цифровое телевидение, сотовая связь и Интернет, прочно вошли и в сельскую северную жизнь. И влияние данного фактора способствует изменению ценностных ориентаций во всех слоях населения. Анализ нашего обследования показывает, что отношение к кочевью у населения постепенно меняется. Традиционный образ жизни сохраняет свои положительные оценки у 17,2 % коренного населения, считающих, – что это единственный образ жизни, согласно которому жили их предки, и они сами живут и в будущем надеются, что так будут жить их дети. Этот вопрос задавался также и среди безработных мужчин в возрасте от 25 до 45 лет. И в настоящий момент 31 % опрошенных сельчан, у которых отсутствуют олени и которые живут оседло в поселениях, также выразили желание кочевать. 24,1 % кочевников ответили, что традиционный образ жизни – необходимость, иначе не выжить. Однако 10,3 % оленеводов сказали, что кочевой образ жизни очень тяжел и, если бы у них была нормальная пенсия или работа, они бы поселились в селах. 17,2 % сельчан категорично отрицательно относятся к кочеванию. Таким образом, в настоящее время традиционный образ жизни все еще выступает как единственный источник дохода. Отрицательная оценка своей жизнедеятельности коренными жителями позволяет делать вывод о неудовлетворенности социально-экономическими условиями на Севере и о перемене ценностей и стандартов жизни.

В Якутии сезонная охота, особенно весной во время прилета уток, волнует большинство мужского населения, в том числе и городских жителей. Однако, как показывает наш опрос, отношение к охоте также претерпевает изменения даже в селах. Так, на вопрос «Кроме оленеводства и животноводства, занимаетесь ли Вы охотой?» 24,1 % респондента ответили утвердительно; 31,05 % иногда охотятся; 44,8 % ответили отрицательно. Как нам кажется, такая ситуация сложилась из-за принятия закона РФ «Об охоте». По данному закону получение лицензий стало проблематичным и для кадровых охотников, не говоря уже о любителях-охотниках.

Становление рыночных отношений и либерализация всех сфер общества способствовали укреплению внутрисемейных отношений на основе традиционных верований и обычаев. Распределение ответов на вопрос «Какую веру исповедуете?» показало: в основном коренное население (55,2 %) придерживается традиционного верования своих предков; 17,2 % – православия,

20,7 % – другого, и атеистов оказалось 6,9 % северян. Далее, на вопрос «В повседневной работе (на охоте, в тайге) пользуетесь ли обычаями и традициями предков?» 72,4% ответили – да, всегда соблюдаю и пользуюсь; 17,2 % иногда, по возможности; 6,9 % затруднились ответить, и только 3,4 % не придерживаются традиций. Национальные традиции также проявляются в праздновании этнических праздников, таких как «Слет оленеводов» (другое название «Встреча солнца»), использование в быту национальных одежд, продуктов и продукции оленеводства и охотпромыслов. Приверженность этнокультурным традициям и духовным ценностям придает устойчивость семьям и способствует сохранению этнической целостности, что весьма актуально для малочисленных народов Севера.

Таким образом, анализ анкетного опроса показывает, что в северных улусах тип семьи у кочевых народов традиционно является нуклеарным (родители и дети). Нуклеарность семьи и раньше отмечалась у первых исследователей Восточной Сибири в XIX веке. Возраст вступления северянок в брак весьма схож и с российскими, и с европейскими стандартами (россиянки вступают в ранний брак в возрасте до 20 лет, а европейки от 23–25 лет) – от 19 до 25 лет. Тенденции брачного процесса на Севере, по статистическим данным и нашим наблюдениям, довольно низкие, так как каждый третий взрослый никогда не состоял в браке. Показателем изменения брачного поведения в северных поселениях являются супружеские союзы или сожительства без официального регистрирования брака и внебрачные рождения.

Проанализировав похозяйственные книги Оленекского улуса, мы можем говорить о том, что в данном районе преобладают семьи с тремя и более детьми. Самыми острыми проблемами многодетных семей являются затруднения материального (финансового) и жилищного характера.

На изменение брачного поведения также указывают ответы респондентов о форме семьи, где 34,5 % респондентов отметили, что не всегда удается жить полной семьей, 24,1 % затруднились ответить и 10,3 % указали, что семья – помеха карьере и творчеству. Причиной снижения брачности в северной местности также является диспропорция численности потенциальных женихов и невест [9], из чего можно предположить, что в северном сообществе наблюдаются структурные изменения в институте семьи и так же, как в европейских странах, идет «институализация «нетрадиционных» форм устройства людьми взаимоотношений в сфере частной жизни, углубляется процесс модернизации этой сферы как сферы «демографической разумности» [10].

Далее, анализ эмпирических материалов показал, что традиционный образ жизни в северных поселениях является моделью не только выживания, но и практикой повседневного бытия. Кочевье как жизнедеятельность, вызвана внутренними мотивациями, такими как семейные традиции и социальные связи. При этом адаптация северных семей к изменяющимся внешним условиям идет медленно и трудно. Причиной этого являются: отсутствие у кочевников экономико-правовых знаний, бюрократизация при оформлении получения субсидий, нерешенность земельных вопросов, низкая зарплата, т. е. комплекс субъективных и объективных факторов.

В заключение хотелось бы отметить, что под влиянием трансформационных процессов в дальних северных регионах, так же как и в центральных, семья как социальный институт претерпевает изменения форм брака и моделей образа жизни. Вместе с тем семья сохраняет свою сущность как естественная среда обитания и воспроизводства населения. Тем самым сохраняется необходимость благополучного развития семьи как основы общества, а для коренных малочисленных народов Севера – как основа сохранения этносов. Однако социально-экономическое положение кочевой семьи остается на низком уровне, и для ее адаптации к современным условиям необходимо принять новую государственную программу социальной поддержки северной семьи, и в частности кочевых семей.

Ссылки:

1. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем. З.Д. Титовой. Магадан, 1983. 176 с.
2. Долгих Б.О. Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. 291 с.
3. Долгих Б.О. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. М., 1964.
4. Алексеева С.А. Традиционная семья у эвенов Якутии (конец XIX – начало XX веков). Новосибирск, 2008. 145 с.
5. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск, 2005. 666 с.
6. Балицкий В.Г. От патриархально-общинного строя к социализму (о переходе к социализму малых народов Северо-Востока РСФСР). М., 1969. 221 с.
7. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия). 2013 : стат. сб. Якутск, 2014.
8. Барашкова А.С. Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты. Новосибирск, 2009. 159 с.
9. Там же.
10. Михеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск, 2012. 156 с.

References:

1. Lindenau, YI 1983, *Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): historical and ethnographic materials on the peoples of Siberia and the North-East*, in Titova, ZD (transl.), Magadan, 176 p.
2. Dolgikh, BO 1974, *Social organization and culture of the peoples of the North*, Moscow, 291 p.
3. Dolgikh, BO 1964, *Clan, phratry, tribe peoples of northern Siberia*, Moscow.
4. Alekseev, SA 2008, *Traditional family of Yakutian Evens (late XIX – early XX centuries)*, Novosibirsk, 145 p.
5. Yokhelson, VI 2005, *Yukagirs and yukagirian tungus*, Novosibirsk, 666 p.
6. Balitskiy VG 1969, *From the patriarchal system to socialism small peoples of the North-East of the RSFSR*, Moscow, 221 p.
7. *Demographic Yearbook of the Republic of Sakha (Yakutia). 2013: stat. 2014*, Yakutsk.
8. Barashkova, AS 2009, *North family: demographic and socio-economic aspects*, Novosibirsk, 159 p.
9. Barashkova, AS 2009, *North family: demographic and socio-economic aspects*, Novosibirsk, 159 p.
10. Mikheeva, AR 2012, *People in the private sphere: transformation vectors family relations*, Novosibirsk, 156 p.